

«Детское чтение для сердца и разума»
Н.М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

11

2010 (137)

УГОЛОК РОССИИ:
Музей И. Бунина в Орле

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Иван БУНИН

Рассказы

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

140 лет со дня рождения
Ивана Алексеевича Бунина
(1870–1953)

Иван Бунин

* * *

*Первый утренник, серебряный мороз!
Тишина и звонкий холод на заре.
Свежим глянец зеленеет след колёс
На серебряном просторе, на дворе.*

*Я в холодный обнажённый сад пойду —
Весь рассеян по земле его наряд.
Бирюзой сияет небо, а в саду
Красным пламенем настурции горят.*

*Первый утренник — предвестник зимних дней.
Но сияет небо ярче с высоты,
Сердце стало и трезвей и холодней.
Но как пламя рдеют поздние цветы.*

1903 г.

И. Шишкин
Первый снег
1875 г.

В номере:

3

Иван Бунин

**Танька.
Над городом**

13

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Ирина Ненарокова

«Нешумной славы человек»: Константин Юон

17

РАССКАЗЫ

Владимир Волков

Память

18

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ

Сергей Глядко

По следу тигра

20

УГОЛОК РОССИИ

Инна Костомарова

Музей Ивана Бунина в Орле

22

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Татьяна Михайлова

Сказка о Лягушке, Улитке и маленьком прудике

25

ЛИЦЕЙ

Валерий Модестов

Как вести себя в театре

27

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Владимир Морозов

Вроде бы безопасное место

27

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Главный художник
Юрий Коинов

Заместитель главного редактора
Ирина Платонов

Редактор-составитель
Екатерина Рощин

Художественное
редактирование и макет
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Пономаренко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячков

Зав. распространением
Ирина Бродвинская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел. 8 (499) 261-84-61

Факс 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»
(142300, г. Чехов Московской обл.)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Телефон: 8 (495) 988-63-87

Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз

В розницу цена свободная

Заказ № 4843

© «Роман-газета», 2010 г.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Иван Бунин

ТАНЬКА

Художник А. ДУДИН

Таньке стало холодно, и она проснулась.

Высвободив руку из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но всё-таки было холодно. Она подкатилась под самую «голову» печи и прижала к ней Ваську. Тот открыл глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Потом повернулся на бок и затих. Танька тоже стала задрёмывать. Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы.

— Холодно, тётка? — спросил странник, лёжа на конике.

— Нет, — ответила Марья, — туман. А собаки валяются, — беспременно к метели.

Она искала спичек и гремела ухватами.

Странник спустил ноги с коника, зевал и обувался.

В окна брезжил синеватый холодный свет утра; под лавкой шипел и крякал проснувшийся хромой селезень. Телёнок поднялся на слабые растопыренные ножки, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрывисто мякнул, что странник засмеялся и сказал:

— Сиротка! Корову-то прогусарили?

— Продали.

— И лошади нету?

— Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врезалась ей в память. «Когда ещё картохи копали», в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей «кусочек в горло не идёт», и Танька всё смотрела на её горло, не понимая, о чём толк.

Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы». Оба они были похожи друг на дружку — черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришёл ещё один, ещё чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал и немного погодя вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону; за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увёл её во двор. Мать стояла на пороге избы и голосила. Глядя на неё, заревел во всё горло и Васька... Потом «чёрный» опять вывел со двора лошадь, привязал её к телеге и рысью поехал под гору... И отец уже не погнался...

«Анчихристы», лошадики-мещане, были и правда свирепы на вид, особенно последний — Талдыкин. Он пришёл позднее, а до него два первые только цену сбивали. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

— Ну, — кричал один, — смотри сюда, получай с богом деньги!

— Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, — уклончиво отвечал Корней.

— Да какая же это полцена, ежели, к примеру, кобылёнке боле годов, чем нам с тобой? Молись Богу!

— Что зря толковать, — рассеянно возражал Корней.

Тут-то и пришёл Талдыкин, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые чёрные глаза, форма носа, скулы — всё напоминало в нём эту собачью породу.

— Что за шум, а драки нету? — сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошёл к лошади, остановился и долго равнодушно молчал, глядя на неё. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: «Поскорейча, ехать время, я на выгоне дождю» — и пошёл к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

— Что ж не глянул лошадь-то?

Талдыкин остановился.

— Долгого взгляда не стоит, — сказал он.

— Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошёл и сделал ленивые глаза.

— Ну?

Он внезапно ударил лошадь под брюхо, дёрнул её за хвост, пощупал под лопатками, понюхал руку и отошёл.

— Плоха? — стараясь шутить, спросил Корней.

Талдыкин хмыкнул:

— Долголетня?

— Лошадь не старая.

— Тэк. Значит, первая голова на плечах?

Корней смутился.

Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

— Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдёт, получай одиннадцать жёлтеньких.

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадь за оброть.

— Молись Богу да полбутылочки ставь.

— Что ты, что ты? — обиделся Корней. — Ты без креста, дядя!

— Что?! — воскликнул Талдыкин грозно. — Обабурился? Денег не желаешь? Бери, пока дурак попадается, бери, говорят тебе!

— Да какие же это деньги?

— Такие, каких у тебя нету.

— Нет, уж лучше не надо...

— Ну, через некоторое число за семь отдашь, с удовольствием отдашь, — верь совести...

Корней отошёл, взял топор и с деловым видом стал тесать подушку под телегу.

Потом пробовали лошадь на выгоне... И как ни хитрил Корней, как ни сдерживался, не отвоевал-таки!

Когда же пришёл октябрь и в посиневшем от холода воздухе замелькали, повалили белые хлопья, заноса выгон, лозины и завалинку избы, Таньке каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, с началом зимы для всех ребятишек начинались истинные мучения, проистекавшие, с одной стороны, от желания удрать из избы, пробежать по пояс в снегу через луг и, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нём палками и слушать, как он гулькает, а с другой стороны — от грозных окриков матери:

— Ты куда? Чичер, холод, а она — на-кася! С мальчишками на пруд! Сейчас лезь на печь, а то смотри у меня, демонёнок!

Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымящимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнущего клетью, круто посоленного хлеба. Теперь же мать совсем не давала по утрам ни хлеба, ни картошек, на просьбы об этом отвечала:

— Иди, я тебя одену, ступай на пруд, деточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сидением на «грубке» печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть тёмным дрожащим фитилём достигала до самого потолка. Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклонённое лицо её было в это время кротко и ласково. Тихим голосом пела она «старинные» песни, которые слыхала ещё в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать. В тёмной избе, завейной снежными вьюгами, вспоминалась Марье её молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей толпе полевою дорогой с звонкими песнями, и за ржами опускалось солнце, и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск... Песней говорила она дочери, что и у неё будут такие же зори, будет всё, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и заботою...

Когда же мать собирала ужинать, Танька в одной длинной рубашонке съёзжала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу. Тут она, как зверок, садилась на корточки и быстро ловила в густой похлёбке сальце и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ел медленно и тарачил глаза, стараясь всунуть в рот большую ложку... После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дралась из-за места с Васькой и, когда в тёмные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шёпот матери: «Угодники божии, святителю Никола-милостивый, столпохранение людей, матушка пресвятая Пятница — молитте Бога за нас! Хрест в головах, хрест у ногах, хрест от лукавого...»

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего, и грозила «глаза выколоть», «слепым в сумку отдать», если она, Танька, спать не будет.

Танька часто редела и просила «хоть капустаки», а спокойный, насмешливый Васька лежал, драл ноги вверх и ругал мать.

— Вот домовой-то, — говорил он серьёзно, — всё спи да спи! Дай бати дож-дать!

Батя ушёл ещё с Казанской, был дома только раз, говорил, что везде «беда» — полушубков не шьют, больше помирают, — и он только чинит кое-где у богатых мужиков. Правда, в тот раз ели селёдки, и даже «вот такой-то кусок» солёного судака батя принёс в тряпочке: «На кстинах, — говорит, — был третьего дня, так вам, ребята, спрятал»... Но когда батя ушёл, совсем почти есть перестали...

Странник обулся, умылся, помолился Богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрясник, сгибалась только в пояснице, крестился он широко. Потом расчесал бородку-клинушек и выпил из бутылочки, которую достал из своего походного ранца. Вместо закуски закурил сигарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, нос вздёрнут, глаза глядели остро и удивлённо.

— Что ж, тётка, — сказал он, — даром солому-то жжёшь, варева не ста-вишь?

— Что варить-то? — спросила Марья отрывисто.

— Как что? Ай нечего?

— Вот домовой-то... — пробормотал Васька.

Марья заглянула на печку:

— Ай проснулся?

Васька сопел спокойно и ровно. Танька прижукнулась.

— Спят, — сказала Марья, села и опустила голову.

Странник исподлобья долго глядел на неё и сказал:

— Горевать, тётка, нечего.

Марья молчала.

— Нечего, — повторил странник. — Бог даст день, Бог даст пищу. У меня, брат, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межа-ми да по задворкам — и ничего себе... Эх, не ночёвывала ты на снежку под ра-китовым кустом — вот что!

— Не ночёвывал и ты, — вдруг резко ответила Марья, и глаза её заблесте-ли, — с ребятишками с голодными, не слыхал, как голосят они во сне с голоду! Вот что я им суну сейчас, как встанут? Все дворы ещё до рассвету обегала — Христом Богом просила, одну краюшечку добыла... и то, спасибо, Козёл дал... у самого, говорит, оборочки на лапти не осталось... А ведь ребят-то жалко — в отделку сморились...

Голос Марьи зазвенел.

— Я вон, — продолжала она, всё более волнуясь, — гоню их каждый день на пруд... «Дай капустаки, дай картошечек...» А что я дам? Ну и гоню: иди, мол, поиграй, деточка, побегай по ледочку...

Марья всхлипнула, но сейчас же дёрнула по глазам рукавом, поддала ногой котёнка («У, погибели на тебя нету!..») и стала усиленно сгребать на полу соло-му.

Танька замерла. Сердце у неё стучало. Ей хотелось заплакать на всю избу, побежать к матери, прижаться к ней... Но вдруг она придумала другое. Тихонь-ко поползла она в угол печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голо-ву платком, съёрзнула с печки и шмыгнула в дверь.

«Я сама уйду на пруд, не буду просить картох, вот она и не будет голосить, — думала она, спешно перелезая через сугроб и скатываясь в луг. — Аж к вечеру приду...»

По дороге из города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влево, лёгкие «kozyрьки»; меринок шёл в них ленивой рысцою. Около саней легонько бежал молодой мужик в новом полушубке и одеревеневших от снегу нагольных сапогах, господский работник. Дорога была раскатистая, и ему поминутно при-

ходилось, завидев опасное место, соскакивать с передка, бежать некоторое время и затем успеть задержать собой на раскате сани и снова вскочить бочком на облучок.

В санях сидел седой старик, с нависшими бровями, барин Павел Антоныч. Уже часа четыре смотрел он в тёплый, мутный воздух зимнего дня и на придорожные вешки в инее

Давно ездил он по этой дороге... После Крымской кампании, проиграв в карты почти всё состояние, Павел Антоныч навсегда поселился в деревне и стал самым усердным хозяином. Но и в деревне ему не посчастливилось. Умерла жена... Потом пришлось отпустить крепостных... Потом проводить в Сибирь сына-студента... И Павел Антоныч стал совсем затворником. Он втянулся в одиночество, в своё скупое хозяйство, и говорили, что во всей округе нет человека более жадного и угрюмого. А сегодня он был особенно угрюм.

Морозило, и за снежными полями, на западе, тускло просвечивая сквозь тучи, желтела заря.

— Погоняй, потрогивай, Егор, — сказал Павел Антоныч отрывисто.

Егор задёргал вожжами.

Он потерял кнут и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, он сказал:

— Чтой-то Бог даст нам на весну в саду: прививочки, кажись, все целы, ни одного, почитай, морозом не тронуло.

— Тронуло, да не морозом, — отрывисто сказал Павел Антоныч и шевельнул бровями.

— А как же?

— Объедены.

— Зайцы-то? Правда, провалиться им, объели кое-где.

— Не зайцы объели.

Егор робко оглянулся.

— А кто же?

— Я объел.

Егор поглядел на барина в недоумении.

— Я объел, — повторил Павел Антоныч. —

Кабы я тебе, дураку, приказал их как следует закутать и замазать, так были бы целы... Значит, я объел.

Егор растянул губы в неловкую улыбку.

— Чего оскалешься-то? Погоняй!

Егор, роясь в передке, в соломе, пробормотал:

— Кнут-то, кажись, соскочил, а кнутовище...

— А кнутовище? — строго и быстро спросил Павел Антоныч.

— Переломился...

И Егор, весь красный, достал надвое переломленное кнутовище. Павел Антоныч взял две палочки, посмотрел и сунул их Егору.

— На тебе два, дай мне один. А кнут — он, брат, ремённый — вернись, найди.

— Да он, может... около городу.

— Тем лучше. В городе купишь... Ступай. Придёшь пешком. Один доеду.

Егор хорошо знал Павла Антоныча. Он слез с передка и пошёл назад по дороге. А Танька, благодаря этому, ночевала в господском доме.

Да, в кабинете Павла Антоныча был придвинут к лежанке стол, и на нём тихо звенел самовар. На лежанке сидела Танька, около неё Павел Антоныч. Оба пили чай с молоком.

Танька запотела, глазки у неё блестели ясными звёздочками, шелковистые беленькие её волосики были причёсаны на косой ряд, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула в блюдечко. Павел Антоныч ел крендели, и Танька тайком наблюдала, как у него двигаются низкие серые брови, шевелятся пожелтевшие от табаку усы и смешно, до самого виска, ходят челюсти.

Будь с Павлом Антонычем работник, этого бы не случилось. Но Павел Антоныч ехал по деревне один. На горе катались мальчишки. Танька стояла в сторонке и, засунув в рот посиневшую руку, грела её. Павел Антоныч остановился.

— Ты чья? — спросил он.

— Корнеева, — ответила Танька, повернулась и бросилась бежать.

— Постой, постой, — закричал Павел Антоныч. — Я отца видел, гостинчика привёз от него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обещанием «прокатить» Павел Антоныч заманил её в сани и повёз. Дорогой Танька совсем было ушла. Она сидела у Павла Антоныча на коленях. Левой рукой он захватил её вместе с шубой. Танька сидела, не двигаясь. Но у ворот усадьбы вдруг ёрзнула из шубы, даже заголилась вся, и ноги её повисли за санями. Павел Антоныч успел подхватить её под мышки и опять начал уговаривать. Всё теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и иззябшего ребёнка. Бог знает, что он думал, но брови его шевелились всё живее.

В доме он водил Таньку по всем комнатам, заставлял для неё играть часы... Слушая их, Танька хохотала, а потом настораживалась и глядела удивлённо: откуда эти тихие перезвоны и рулады идут? Потом Павел Антоныч накормил её черносливом — Танька сперва не брала: «он чернищий, ну-кась умрёшь», — дал ей несколько кусков сахара. Танька спрятала и думала: «Ваське не дам, а как мать заголосит, ей дам».

Павел Антоныч причесал её, подпоясал голубеньким пояском. Танька тихо улыбалась, встацила поясок под самые мышки и находила это очень красивым. На расспросы она отвечала иногда очень поспешно, иногда молчала и мотала головой.

В кабинете было тепло. В дальних тёмных комнатах чётко стучал маятник... Танька прислушивалась, но уже не могла одолеть себя. В голове у неё роились сотни смутных мыслей, но они уже облекались сонным туманом.

Вдруг на стене слабо дрогнула струна на гитаре, и пошёл тихий звук. Танька засмеялась.

— Опять? — сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару в одно.

Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такую добротой, такую старчески-детскою радостью.

— погоди, — шепнул он, снимая со стены гитару.

Сперва он сыграл «Качучу», потом «Марш на бегство Наполеона» и перешёл на «Зореньку».

*Заря ль моя, зоренька,
Заря ль моя ясная!*

Он глядел на задрёмывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поёт вместе с ним песни.

*По заре-зарю
Играть хочется!*

Деревенской красавицей! А что ждет её? Что выйдет из ребёнка, повстречавшегося лицом к лицу с голодною смертью?

Павел Антоныч нахмурил брови, крепко захватив струны...

Вот теперь его племянницы во Флоренции... Танька и Флоренция!..

Он встал, тихонько поцеловал Таньку в голову, пахнущую курной избой. И пошёл по комнате, шевеля бровями.

Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, — и везде они томятся от голода!

Павел Антоныч всё быстрее ходил по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался перед портретом сына...

А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушённых, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зелёные, — звёзды... Крутом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щёки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поёт в тёмной дымной избе старинные песни...

НАД ГОРОДОМ

Глядя на колокольню снизу, с церковного двора, мы сами чувствовали, до чего мы ещё малы, и было жутко немного, потому что облака в ясном весеннем небе медленно уходили от нас, а высокая белая колокольня, суживаясь кверху и блестя золотым крестом под облаками, медленно, плавно валилась на церковный двор — и крест был похож на человечка с распостёртыми руками... Потом мы вперегонки кидались к узкой двери в колокольню.

Длинная, почти отвесная лестница тотчас же за дверью терялась в темноте. В темноте, стиснутые холодными кирпичными стенами, храбро лезли мы друг за другом вперёд. Свет, как мы знали, должен был открыться внезапно — и правда, скоро впереди мелькал проблеск. Ещё несколько шагов, поворот — и мы в низком помещении, бледно озарённом решётчатым окном. Над головой — тяжёлый накат из брёвен, перекрещивающиеся в пыли и паутине балки, на полу — целые вороха известкового птичьего помёта, изогнутая медная купель среди кирпичей и мусора, суздальские облупившиеся иконы, кадило с оборванными цепями... Черничка-галка, с пухом в клюве, сидит на подоконнике и выжидательно косит одним глазом. Таинственно в этой старой кладовке! Но осматриваться некогда. Голоса и топот ног опередивших нас раздаются уже над нами — звонко и весело, как всегда весной в колокольне. И, кинув несколько быстрых взглядов на мусор и балки, мы спешили по тёмным изломам лестниц дальше...

Вот наконец и первый пролёт: сразу стало светло, просторно, в арки широко видно небо. Внизу — церковный двор, мощённый камнем, красная крыша сторожки в углу ограды и берёза у железных ворот... Хорошо глядеть на всё это сверху — видеть у себя под ногами верхушку берёзы! С высоты всё кажется красивее, меньше; двор после весенних дождей стал бел, опрятен, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка берёзы закудрявилась лёгкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нежной и свежей. И как тепло! Выйдет солнце из-за облака — чувствуешь на лице горячую ласку света. Воробьи на берёзе задорно зачиликают в этом блеске, извозчик, проезжающий мимо, хлестнёт лошадь — и совсем по-летнему затрещат по мостовой колёса...

— Идите сюда! — раздаётся чей-то крик сверху.

И, переглянувшись, мы устремляемся к гнилой и крутой лестнице во второй ярус, более узкий и как будто более зыбкий, чем первый, и снова попадаем в полутёмные недра колокольни, разделённые бревенчатыми потолками. Опять грубый и беспорядочный вид балок и лестниц, мешающихся в сумраке; опять холодок и запах кирпичных стен... Всюду запустение старой башни, всё велико, покрыто пылью и птичьим помётом... Лестницы, под которыми валялись кирпичи и брёвна, были шатки, колени у нас дрожали, сердце учащённо билось; но в узкие окошечки возле лестницы мы видели лазурь, высоту, к которой стремились. На подоконниках, на лестницах и балках сидели сытые голуби, сизые и «жаркие», и так как мы уже чувствовали себя в одном мире с ними, то нам было очень жаль, что они так поспешно, пугая и себя и нас, рассыпались куда попало при нашем приближении, торопливо хлопая свистящими крыльями. Это, впрочем, не мешало им тотчас же опускаться на другие лестницы и снова начинать гулкое, сердито-ласковое воркованье, топчась на одном месте с раздувающимися зобами. А в одном углу сидела на яйцах белая голубка — и с каким любопытством мы смотрели на нее сверху! Тут было совсем почти темно, только в длинное и узкое окошечко голубой лентой сияло небо...

— Васька идёт! — радостно говорил кто-нибудь из нас, заглянув в это окошечко и увидав под колокольной звонаря Ваську. И тогда мы ещё более ускоряли шаги, чтобы поспеть к звону.

Ощущение высоты было уже очень сильно, когда мы выскакивали во второй пролёт. Но нужно было сделать ещё шагов тридцать, к колоколам, в третий ярус. Мельком мы заглядывали вниз — и не узнавали берёзы у ограды: так мала и низка стала она! Теперь даже огромный купол церкви был наравне с нами, а под ним — разноцветные крыши города, сбегаящего к реке, улицы и переулки меж ними, грязные дворы, сады и пустоши... Вон во дворе чиновника баба развешивает бельё по верёвке; вон мещанин, в жилетке и ситцевой рубашке, выходит из тесового, похожего на собачий, домика возле сарая; рядом, на почтовом дворе, лениво бродят с хомутами в руках ямщики, запрягая двух одров в тележку; а вон скучные каменные дома купца-богача близ базарной площади, на скате которой, над мелкой рекой, стоит старый приземистый собор с синим куполом в белых звёздах... Улицы пусты — все эти мещане, купцы, старухи и молодые кружевницы сидят по своим домишкам и, должно быть, не знают, какой простор зелёных полей развёртывается вокруг города; а мы вот знаем и побежим ещё выше, где уже совсем жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься к самому шпицу колокольни, сияющей над городом своим золотым крестом...

Теперь детство кажется мне далёким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским захолустьем, которое угнетало нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где гибло наше детство, полное мечтами о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! Птицы любят высоту — и мы стремились к ней. Матери говорили, что мы растём, когда видим во сне, что летаем, — и на колокольне мы росли, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолевали наконец последний ярус колокольни, мы видели вокруг себя только лазурь да волнистую степь. Город, как пёстрый план, лежал далеко под нами, маленький и скученный, а в сердцах у нас было то, что должны испытывать на полёте ласточки. В ожидании Васьки затевали мы драки, бегали друг за другом, стуча сапогами

под медными шлемами колоколов, и громко кричали в них, возбуждая в меди эхо. Пробираясь по лесенке среди верёвок, привязанных за колокольные языки, к главному колоколу, украшенному барельефами херувимов и надписью, какой купец отливал его, мы по очереди ударяли в края колокола: ударишь и слушаешь — и кажется, что где-то далеко идёт певучий благовест к ранней обедне! И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдруг увидел я на колоколе барельефный лик строгого и прекрасного Ангела Великого Совета и прочитал сильное и краткое веление: «Благовестуй земле радость велию...»

Как поразила меня даже в то время эта надпись! Благовествовать взбирался на колокольню дурачок Васька; но даже эта жалкая фигура не мешает мне вспоминать предвечернее время весеннего дня, ясное небо в арках колокольни и ту могучую дрожь, которой гудела вершина колокольни вместе со всеми нами, когда, после долгих раскачиваний била, Васька оглушал нас первым ударом, спугивал голубей со всех карнизов и уже весь отдавался любимому делу, утопая в звонком и непрерывном гудении меди. От этого гудения у нас верезжало в ушах, во всём теле; казалось, что вся колокольня, с вершины до основания, полна голосов, гула и пения. Не спуская глаз с мотающихся рук Васьки, стояли мы, охваченные восторгом перед гигантской силой звуков, замирая от захватывающей дух гордости, точно сами мы были участниками в возвышенном назначении колокола благовествовать радость. Затерявшиеся в звуках, мы как будто сами носились по воздуху вместе с их разливающимися волнами и ждали только одного — чтобы поскорее ответил своим низким басом соборный колокол и чтобы Васька, в волнении соревнования, поднялся с лестницы во весь рост и уже изо всех сил ударил звонком. Боже, какой трезвон начинался тогда над нашим убогим местечком и как мечтал я хоть когда-нибудь побыть на месте Васьки!

Странное желание это и теперь иногда посещает меня. Отдыхая порой в городишке, где протекло моё отрочество, я вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость — нашу колокольню. Сидя в летние вечера под окном, я слушаю зачинающийся в разных концах города, перепутывающийся и мерно дрожащий гул колоколов, и этот гул погружает меня в думы о том, как протекают тысячи тысяч наших жизней. Товарищи моих детских дней, те, что беспечно играли когда-то в лодыжки под заборами, те, которым детство сулило так много, — где они? А матери и отцы их, уже сгорбленные и пригнутые к земле страданиями и близостью смерти, плетутся с жёлтыми восковыми свечами в руках пред алтарь Бога, который всегда казался им жестоким и карающим, требующим вечных покаянных слёз и вздохов... И мне вспоминается далёкое время, когда Васька так звучно и тяжело ударял в большой колокол. Я мысленно взбираюсь на колокольню и уже в свои руки беру верёвку, привязанную к колокольному билу. Трудно раскачивать его, но нужно раскачивать сильнее, чтобы с первого же удара дрогнул воздух. А когда ответят другие колокола, нужно позабыться, затеряться в бурных звуках и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что «Бог не есть бог мертвых, но живых»!

«Нешумной славы человек»:

Константин ЮОН

«Мне хотелось писать картины, как пишутся песни о жизни, об истории русского народа, о природе, о древних русских городах...» — писал в 900-х годах молодой, только что вышедший на арену русского искусства художник Константин Фёдорович Юон. Был он учеником Архипова и Серова, страстным почитателем Сурикова, Гогена и Горького, человеком, с детства и навек пленённым древнерусской архитектурой. Как большинство художников, начинавших свой путь в сложный период идейно-художественной борьбы на рубеже XIX и XX веков, Юон увлекался новым искусством, импрессионизмом, пропадал в Третьяковке, ездил за границу, работал там в частных мастерских, путешествовал по России — словом, настойчиво, упорно искал себя. В результате этих поисков родился замечательный мастер живописи, мастер архитектурных пейзажей и театральных декораций.

Юон — коренной москвич. В его семье все увлекались музыкой, театром. Молодёжь ставила домашние спектакли. Сами писали текст, делали костю-

Автопортрет. 1953 г.

Весенний солнечный день. 1910 г.

мы, сочиняли музыку, а изготовление декораций неизменно поручали Константину.

Впитанная с детства любовь к музыке, к ритму впоследствии очень помогла художнику в его работе.

Закончив курс Московской школы живописи (с 1894 по 1898 год), Юон в 1900 году открыл в Москве вместе с художником И. О. Дудиным частную художественную школу «Студия Юона», которая действовала до 1917 года. В его

Троицкая лавра зимой. 1910 г.

студии учились Ватагин, Мухина, Фаворский и другие известные советские художники.

В конце 90-х годов XIX века художник много ездил по старым городам, расположенным на берегах Волги. В результа-

те большой подготовительной работы родилась картина «Над Волгой» (1900 г.). Множество замечательных рисунков, этюдов, картин было написано Юоном в

Мартовское солнце. 1915 г.

Троице-Сергиевой лавре. Наиболее интересны из них «К Троице» (1903 г.), «Троицкая лавра зимой» (1910 г.). Очень важно, что старинные архитектурные ансамбли Юон писал в окружении современной жизни. Картины его всегда очень жизненны, звучны, яркие, декоративны. Краски чистые, локальные. Много простора, света.

Любил Юон пейзажи. Эпические, торжественные, с большой перспективой, зимние и особенно весенние. Лучшие его пейзажи — «Весенний солнечный день» (1910 г.), «Мартовское солнце. Лигачёво» (1915 г.), «Купола и ласточки» (1921 г.), «Русская зима. Лигачёво» (1947 г.).

В 1917 году Юон был уже большим мастером. Новое захватило его. Художник увлекался общественной работой. В конце 20-х годов Юон создаёт цикл акварелей на тему московских событий 1917 года, когда рабочие и солдаты штурмовали Кремль и взяли его. Позднее, в 1947 году, художник ещё раз вернётся к этой теме в картине «Штурм Кремля в 1917 году». Во всех этих работах, как и во многих других, сложность содержания никогда не затмевает силу и вырази-

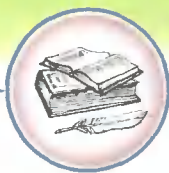
тельность юоновской кисти. Поражает его умение мастерски сочетать архитектуру, пейзаж и жанровые сцены. Художник любит сложные, многофигурные композиции, любит декоративность.

В 1940 году он начал писать эскизы для мозаик, которые должны были украсить зал Конституции проектируемого Дворца Советов. Трудился с огромным интересом, наметил себе множество тем, затрагивая самые разнообразные стороны нашей жизни. В годы Отечественной войны Юон не выезжал из Москвы и много писал свой любимый посуровевший город.

Юон — мастер театральной декорации. Всего он оформил около двадцати пяти пьес и опер.

Всю жизнь интересовали Юона сложнейшие теоретические проблемы искусства. Доктор искусствоведения, действительный член Академии художеств, Юон написал множество теоретических искусствоведческих работ.

Народный художник СССР Юон был с 1956 года до своей смерти (апрель 1958 года) первым секретарём Союза художников СССР.

ПАМЯТЬ

Владимир Волков

Художник О. Панкратова

На глазах у сыновей

Мой отец, слава Богу, вернулся с войны — с обожжённым лицом, с осколками в груди, но вернулся.

У кого-то из ребят из нашего двора отцы вернулись инвалидами: кто с одной рукой, кто с одной ногой. А у Витьки Башляева отца привезли — у него не было обеих ног. Передвигался он на тележке, отталкиваясь от земли деревяшками. Мы часто садились перед ним в полукруг и слушали его рассказы про войну. Витька горделиво посматривал на нас — вот, мол, как мой папаша врезал фашистам.

Но у большинства ребят — и в классе, и во дворе — отцы погибли. Об этом в их семьях узнавали из извещений воинских частей, так называемых похоронок. В них кратко сообщалось о гибели солдата и месте его захоронения.

Было ещё несколько ребят, у которых отцы пропали без вести — были и такие извещения. В их семьях была робкая надежда — а вдруг вернётся. Но проходили годы, и надежда угасала. Один из таких ребят, мой приятель, уже став взрослым, в День Победы ходил в Парк культуры и отдыха имени Горького, по соседству с которым мы жили, и стоял там с самодельным плакатиком: «Ветераны, отзовитесь! Кто знал моего отца Петрова Василия Семёновича, пропавшего без вести в Белоруссии».

Пропавших без вести солдат было немало. Так что нынешние поисковики, ребята, которые ищут останки погибших солдат, совершают большое, благородное дело. Им иногда удаётся по сохранившимся медальонам, орденам и медалям, по другим предметам определить, кто именно здесь найден. И родственники узнают, что их муж, брат, дед или прадед не просто пропал, а погиб с оружием в руках, защищая ту маленькую деревеньку, у которой и был найден спустя десятки лет.

Но особо мне хотелось бы выделить случаи, когда отцы погибали на глазах у своих сыновей. И такое бывало во время войны. Я записал рассказы этих сыновей, теперь уже пожилых людей.

В последний раз

Мы с мамой приехали навестить отца в субботу. С нами были ещё несколько семей военных. Мой отец был командиром. Их артиллерийский полк стоял недалеко от границы. Ночью мы проснулись от страшного грохота — вокруг нас падали бомбы. Отец крикнул: «Это война!» — и побежал к своим пушкам. Мама прижала меня к себе. Я помню, что она своей ладошкой прикрывала мне голову. Вдруг на полutorке примчался отец. «Женщины и дети — в машину!» — скомандовал он. А когда шофёр сел за руль, отец крикнул ему: «Гони всё время на восток!» А сам побежал в другую сторону, на запад, в свой полк. Я стоял у заднего борта и видел, как отец на ходу доставал пистолет. Так я в последний раз видел своего отца.

Пионерский салют

Мы с мамой жили возле аэродрома. С него взлетали наши самолёты на боевые задания. Однажды приземлился самолёт... папин самолёт. Он даже из кабины не мог вылезти — его вытаскивали. Он был весь изранен. К утру он умер... Он так и лежал в гробу — весь забинтованный. Я видел только закрытые глаза и плотно сжатые губы. Это я запомнил на всю жизнь. Потому что я стоял рядом вместе с его друзьями-лётчиками. Они дали прощальный салют, а я по-пионерски поднял руку.

Сергей Глядко

2010 год в восточном календаре обозначен как год Тигра, поэтому именно сейчас будет уместно поговорить о том, как на самом деле живётся этой большой кошке.

В ледниковый период ареал распространения тигров был огромным — от Европы до Берингова пролива. Изначально занимая северные территории, они лишь впоследствии освоили тёплые страны и до сих пор, где бы они ни жили, с трудом переносят длительную жару.

К моменту российской колонизации Сибири тигр был полновластным хозяином тайги. Но к началу XX века его положение стало поистине жалким — в живых осталось не больше сотни животных. Этот период бездумного разграбления природных богатств Приморья живо описан в книге Владимира Арсеньева «Дерсу Узала». В ней мы видим эти события глазами человека, органически связанного с природой, охотника и проводника. По его глубокому убеждению, тигр — это душа леса, а без души лес существовать не может.

В России исторически жило два подвида тигров — уссурийский и каспийский. Территория распространения последнего узкой поло-

По следу тигра

сой тянулась от Западного Китая до Южного Кавказа. В грузинской эпической поэме XII века «Витязь в тигровой шкуре» подразумевается вполне реальное животное. Тигры жили по речным прибрежным зарослям и были несколько мельче своих уссурийских собратьев. В начале XX века этих тигров отстреливали армейские подразделения в качестве меры безопасности при подготовке к возделыванию евразийских степей. В 30-х годах XX века для охраны животных в Таджикистане был создан заповедник Тигровая Балка. Но предпринятые усилия были слишком скромными, чтобы переломить ситуацию, и в середине XX века каспийский тигр был признан вымершим.

С уссурийским подвидом до последнего времени дела обстояли несколько лучше. В советскую эпоху система комплексной охраны привела к тому, что количество тигров выросло до нескольких сотен и стало приближаться к тысяче.

Российских государственных заповедников в зоне обитания тигра порядка десятка. Самый крупный — Сихотэ-Алинс-

кий — 380 000 гектаров, большинство же по площади не превосходит 100 000 гектаров. Например, заповедник Кедровая Падь, самый старый и знаменитый из дальневосточных, — всего каких-нибудь 14 000 гектаров. При этом вся территория Сихотэ-Алинского заповедника обеспечивает существование одного тигра и двух тигриц. Вот почему надеяться на государственные заповедники бессмысленно, и проблему выживания тигра в Приморье можно решить только экстраординарными средствами. В противном случае уссурийского тигра ждёт судьба каспийского.

Значит ли это, что наши внуки и правнуки смогут изучать только следы, оставленные этим великолепным зверем, и любоваться фотографиями полувековой давности? Наверное, нет. Даже если в дикой природе для тигра не останется места, в неволе они будут существовать. Они легко размножаются, сейчас только в зоопарках США насчитывается более 12 000 животных. Но живущие в зоопарке звери безвозвратно утрачивают охотничьи навыки, и вернуть их в дикую природу невозможно...

«Совсем как птица»

МУЗЕЙ ИВАНА БУНИНА В ОРЛЕ

Истоки и становление могучего таланта Ивана Алексеевича Бунина связаны с землёй его предков — Орловщиной, расположенной в той срединной России, «где, — писал он, — образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым».

После революции И. А. Бунин эмигрировал во Францию.

Увековечение памяти великого писателя России начиналось в Орле. В 1957 году в Музее писателей-орловцев был открыт зал, посвящённый жизни и творчеству Бунина. В последующие десятилетия в Орле была собрана уникальная, самая крупная в России бунинская коллекция, насчитывающая более пяти тысяч единиц хранения подлинных материалов: иконографии, рукописей писем, документов, книг, личных вещей писателя. Преобладающую часть этой коллекции составляют материалы из дореволюционного архива Бунина, переданные орловскому литературному музею вдовой племянника писателя К. П. Пушешниковой. Подлинные личные вещи Бунина — фотографии, автографы, книги, — связанные с эмигрантским периодом его творчества, были получены музеем от В. Н. Муромцевой-Буниной, Л. Ф. Зурова, А. Я. Полонского, Т. Д. Муравьёвой, М. Грин. Мебель из парижского кабинета Бунина долгое время хранилась в семье писательницы Н. В. Кодрянской, которая переслала её в 1973 году из Парижа в Орёл через советское посольство во Франции.

И. А. Бунин

10 декабря 1991 года в Орле был открыт музей И. А. Бунина. Старинный дворянский особняк, в котором размещён музей, является памятником архитектуры середины XIX века. Литературно-мемориальная экспозиция музея, построенная на подлинных материалах из бунинской коллекции, рассказывает об этапах творческого пути писателя в России и в изгнании — от корреспондента газеты «Орловский вестник» до классика мировой литературы. Документы из семейного архива Буниных и фотографии, письма и автографы стихотворений юного поэта вводят нас в атмосферу жизни помещенного дворянства, в которой духовно и творчески формировался незаурядный талант писателя.

Здание музея И. А. Бунина

«Парижский» кабинет

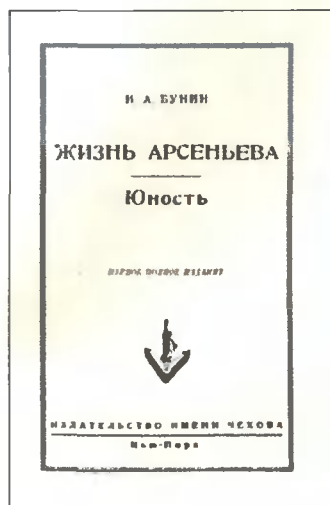
был я всю жизнь!»

УГОЛОК
РОССИИ

Инна Костомарова,

заведующая музеем И.А. Бунина, заслуженный работник культуры России

1. Книга Бунина
«Жизнь Арсеньева»

2. В. В. Пашченко

3. В. И. Бунин. 1907 г.

С осени 1889 года Бунин на несколько лет поселился в Орле, став сотрудником редакции губернской газеты «Орловский вестник». С этим периодом жизни писателя связано начало его профессиональной литературной деятельности. Свои стихи, рассказы и очерки он публикует не только в «Орловском вестнике», но и в столичных журналах. В 1891 году в Орле вышел первый сборник стихотворений Бунина. Позднее, с мая по сентябрь 1896 года, в «Орловском вестнике» из номера в номер публиковался его перевод поэмы американского поэта Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате», который в конце года впервые был издан в Орле отдельной книгой.

С Орлом для Бунина было связано многое из пережитого и пережитого впервые: первые книги, первые оценки критики его произведений, первая, по-юношески романтическая и восторженная, любовь к Варваре Пашченко. Спустя более четырёх десятилетий Бунин в романе «Жизнь Арсеньева» вернётся к воспоминаниям о «самом светлом утре» своей жизни, и на его страницах возникнет полный очарования образ Лики, в котором он воскресит свою любовь к Пашченко во всей ее чистоте, страстности и красоте. В романе писатель с поразительной точностью и поэтичностью воссоздаст старый Орёл — «город Тургенева и Лескова», «один из самых коренных русских городов».

С конца 1890-х годов Бунин вошёл в московскую литературную среду, с которой он

будет связан около четверти века. Но в Москве писатель постоянно не жил, уезжая то к родным в орловскую деревню Глотова-Васильевское, то в Петербург, Одессу, Ялту, то отправлялся в заграничные путешествия по странам Западной Европы и Востока. «Совсем как птица был я всю жизнь!» — скажет он о себе.

Сердцем музея стал воссозданный кабинет из парижской квартиры Бунина, где он почти безвыездно прожил последние семь с половиной лет жизни. Здесь всё реконструировано до деталей: камин, лепнина, рисунок обоев, живописное изображение вида из окна на улицу Жака Оффенбаха. В кабинете, как бы перенесённом из Парижа в Орёл, возникает ощущение присутствия Бунина, что связано с находящимися в нём его подлинными вещами: письменным столом, креслом, столиком под пишущую машинку, стулом, табакеркой с сохранившимся табаком. «Иллюзия присутствия» усиливается звучанием голоса писателя — это переписанная с граммофонной пластинки аудиозапись стихотворения Бунина «Одиночество» в его исполнении.

В 2002 году в музее И. А. Бунина были открыты два новых зала, экспозиция которых посвящена теме «Литературное наследие Бунина в русской и мировой культуре XX века».

В 1995 году в Орле был открыт памятник Бунину (скульптор В. М. Клыков).

По материалам сайта: www.bunin.niv.ru

Сказка о Лягушке, Улитке и маленьком прудике

В самой дальней части огорода стояла бочка с дождевой водой. Бочка была сделана из деревянных дощечек, но отличалась от других деревянных бочек своей формой — она была низкая и широкая, — и называли её лохань. С весны до поздней осени бочка стояла с водой. Деревянные дощечки от воды набухали, увеличивались в размере. Тесно прижавшись друг к другу, они не пропускали воду. С наступлением заморозков вода превращалась в лёд, дощечки высыхали и съеживались, образуя между собой трещины. Весной лёд таял, и талая вода вытекала из всех щелей бочки до тех пор, пока дощечки вновь не набухали.

Когда-то в летние дни в лохани купались дети — вода в низкой и широкой посудине быстро нагревалась жарким солнцем. Теперь никто не пользовался ею. Детям купили надувной бассейн, и лохань отнесли подальше в огород. Постепенно ёмкость наполнилась дождевой водой и так стояла всё лето.

Лягушка давно облюбовала эту бочку и как-то после дождя прыгнула в неё.

«Как здесь замечательно! — радовалась она. — Вода такая тёплая и ласковая! Этот маленький прудик будет только мой», — решила Лягушка и осталась в нём жить.

Из большого соседнего пруда она принесла водоросли, а с поляны — молодую траву. Водоросли укрепила на дне лохани, а траву набросала в воду. Тра-

винки были лёгкие и не тонули в воде. Они сцепились друг с другом, образовав плотную зелёную поверхность, похожую на плот. Водоросли хорошо прижились на новом месте. В тёплой воде они быстро разрастались, украшая подводное пространство.

Лягушка подолгу сидела на плотике и блаженствовала. Её влажная кожа переливалась на солнце изумрудными оттенками. Рассматривая своё отражение в воде, Лягушка восторгалась своей красотой. Она чувствовала себя королевой пруда.

Была уже середина лета. Однажды Лягушка сидела на своём плоту и грелась на тёплом солнце. От лёгкого ветерка плотик медленно плыл по лохани, то прибываясь к стенке, то отплывая на середину. Вдруг Лягушка увидела, что по дощечке, вдоль кромки воды, кто-то медленно ползёт.

«Кто это? Ведь в прудике никогда никого не было, кроме меня, моего плотика и водорослей», — заволновалась зелёная красавица. Она прыгнула в воду, подплыла ближе и разглядела маленькую витую коробочку.

«Никогда раньше не видела такой коробочки. Но коробочка передвигалась по стенке. Как же она двигалась?» — недоумевала Лягушка. Она высунула свой узкий длинный язык и быстро дотронулась им до незнакомого предмета.

«Что-то твёрдое, как камешек», — подумала Лягушка и подплыла ещё ближе. Она разглядела, что маленькая коробочка держится на каком-то существе. Лягушка решила сдвинуть коробочку с места, но существо крепко держало её и само будто приклеилось к стенке бочки.

— Что бы это могло быть? — вслух произнесла Лягушка.

И тут же раздался тонкий голос:

— Я не «что», а «кто». Я живая, я — Улитка.

Из витой коробочки медленно и осторожно появилась странная головка с маленькими рожками, в основании которых были маленькие глазки. Головка выползала и выползала, и, наконец, появилось туловище. Перед Лягушкой было маленькое создание, которое назвало себя Улиткой.

— Как ты попала сюда? — удивилась Лягушка и беспокойно заквакала.

Громкий голос так испугал Улитку, что она быстро спряталась в коробочку-домик.

«Что же делать? Мне совсем не хочется делить мой прудик с какой-то Улиткой, — расстроилась Лягушка. — Надо её прогнать», — решила она и опять заквакала:

— Быстро уходи отсюда, это мой прудик, и только мой! Я первая нашла его и хочу только одна в нём жить. Мне не нужны соседи, да ещё такие скользкие!

Улитка осторожно выползла из домика. Тяжело вздохнув, она сказала злой Лягушке:

— Ну что поделаешь, что скользкая. Такой меня создала природа: ведь я должна легко вползать в свой дом-ракушку и легко двигаться под водой.

— Ты какая-то странная, — перебила её Лягушка. — И зачем ты носишь дом на себе?

— Такими нас создала природа, — тихо повторила Улитка. — Видишь, у меня есть голова и туловище-нога. Почему туловище-нога? Да потому, что я хожу ею, то есть ползу, — объяснила Улитка.

— А как же ты можешь передвигаться на одной ноге? — заинтересовалась Лягушка.

— Да очень просто. В подошве ноги мышцы сокращаются и продвигают моё тело.

— Всё-таки — зачем ты поселилась в моём пруду? — не унималась Лягушка. Она несколько раз квакнула, но голос звучал спокойнее и доброжелательнее, чем прежде.

— Ты же сама меня в нём поселила, — ответила Улитка.

— Я? Когда это я тебя поселила к себе? — возмутилась хозяйка пруда и опять оглушительно заквакала.

Но громкий голос уже не пугал Улитку. Когда Лягушка успокоилась, Улитка объяснила своё удивительное появление в прудике:

— Мои родители живут в большом пруду. Они очень трудолюбивые. Всё время заняты делом: почти без отдыха чистят камешки и ракушки, которые лежат на дне, съедают старые водоросли. Поэтому вода в пруду чистая. Зимой, когда пруд замерзает, улитки замерзают вместе с водорослями. С приходом весны лёд в пруду начинает таять, постепенно оттаивают и улитки. Согревшись и окрепнув, в конце весны они откладывают на водорослях икру, из которой вскоре появляются маленькие улиточки. На одной из веточек, которые ты принесла в начале лета в свой прудик, прилепилась икринка. Это была я. Вот и выходит, что ты поселила меня в своём пруду

Лягушка внимательно слушала. Ей вдруг стало жалко маленькую Улитку. Подумала, подумала Лягушка и решила: «Мы не будем мешать друг другу, хотя прудик и небольшой. Ведь на самом деле вдвоём жить веселее. Улитка будет очищать воду, а я...» Лягушка задумалась: «Чем же буду заниматься я?» Наконец решила: «А я буду следить за порядком в нашем пруду!»

Так и жили Лягушка и Улитка в старой лохани, которая была похожа на маленький прудик. Они никогда не ссорились. Каждый занимался своим делом, а когда отдыхали — рассказывали друг другу интересные истории.

Советы бывалого театрала:

Как вести себя в театре

Сотни тысяч взрослых и детей ежедневно отправляются в театр, чтобы погрузиться в мир человеческих переживаний и грёз. Однако посещение театра сопряжено с соблюдением некоторых неписанных правил поведения, называемых французским словом «*étiquette*» («этикет»). Вот некоторые из них.

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ

Надумав пойти в театр, решите, что хотелось бы вам посмотреть или послушать (драму, комедию, водевиль, балет, оперу, оперетту, мюзикл, шоу, эстрадное представление), и отправляйтесь туда, где вам будет интересно и комфортно. Лучше отдохнуть в Театре эстрады или цирке, чем мучиться и зевать в Большом театре. Если из любопытства вы всё-таки отправитесь в оперу и спектакль вам не понравится, не огорчайтесь: возможно, это не ваш вид сценического искусства и вам ближе оперетта или мюзикл. Не верьте тем, кто советует ходить в театр до тех пор, пока его не полюбишь: насильно мил не будешь. Я знаю многих, кто пришёл в театр из любопытства и стал его завсегдатаем, но не знаю ни одного, кто полюбил бы его через силу.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ

Приобретать билеты лучше в кассах театра, где есть схема и макет расположения мест в зрительном зале. Там вам легче будет решить, что предпочтительнее: любоваться два часа затылком впереди сидящего в ряду престижных кресел партера или, сэкономив деньги, насладиться спектаклем в первом ряду первого яруса. Если билетов в кассе нет, будьте предельно осторожны: билет, купленный втридорога с рук, вполне может оказаться подделкой.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ

Театральные спектакли начинаются в точно назначенный час, поэтому важно правильно рассчитать время с учётом транс-

портных пробок, проблем парковки, «спецконтроля» при входе, возможной очереди в гардероб, чтобы не вбегать взмыленным в зрительный зал за секунду до начала спектакля, а потом, тяжело дыша, полчаса приходиться в себя. Лучше прийти минут за 30 до начала, чтобы без спешки привести себя в порядок, купить программку, поглядеть на развешанные в фойе фотопортреты артистов, сообщить близким, что вы благополучно добрались, и выключить мобильный телефон до конца спектакля.

ПРАВИЛО ЧЕТВЁРТОЕ

Постарайтесь «разделаться» с мороженым, бутербродами, прохладительными напитками и конфетами в шуршащих обёртках в буфете. Не берите их с собой в зрительный зал, чтобы не создавать неудобства вашим соседям.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ

Дорогие родители, если это ваш первый семейный выход в театр, превратите его для детей в праздник, наполненный чудесами и волшебством. Расскажите, что такое театр и спектакль, вспомните свои первые детские театральные впечатления, собственным примером покажите, как следует вести себя в театре. Юному зрителю интересно всё: необычные помещения, убранство фойе, публика, афиши и фотографии на стенах, буфет. В антракте спросите ребёнка о спектакле и обязательно угостите чем-нибудь вкусным. Первые впечатления малыша о театре во многом определяют его отношение к этому виду искусства в будущем.

ПРАВИЛО ШЕСТОЕ

Во время спектакля не принято разговаривать, разворачивать конфеты, шуршать обёрткой цветов, громко чихать, кашлять, сморкаться (если вы больны или простужены, лучше остаться дома), фотографировать. Своими впечатлениями о пьесе, об игре артистов, о постановке лучше делиться во время антракта или после спектакля, а не во время действия.

ПРАВИЛО СЕДЬМОЕ

Если во время антракта вы случайно встретили «живую знаменитость» (артисты, телеведущие и политики тоже ходят в театр), то не замирайте «соляным столпом» у неё на пути, не указывайте на неё трясущимся от волнения пальцем, не фотографируйте её из-за колонны. Знаменитости — люди привычные, повидали всякое, но вы покажете себя не с лучшей стороны.

ПРАВИЛО ВОСЬМОЕ

Своё одобрение в театре принято выражать аплодисментами. Это живой отклик зала, на который создатели спектакля вправе рассчитывать. Любимым артистам зрители подносят цветы. Их дарят в конце спектакля на поклонках, когда артисты выходят на авансцену прощаться. В одних театрах зрители с цветами могут подняться прямо на сцену и вручить букет своему кумиру, в других — цветы передают через капельдинеров (билетёров). Дарить цветы следует без упаковки, за исключением тех случаев, когда упаковка является частью цветочной композиции. Неудовольствие игрой артистов или постановкой достаточно выразить «скорбным молчанием» и не аплодировать — будет ясно, что вы не удовлетворены спектаклем.

ПРАВИЛО ДЕВЯТОЕ

Не устремляйтесь к дверям зрительного зала сразу после того, как опустится занавес, словно начался пожар. Артисты обыкновенно выходят ещё раз на авансцену проститься с публикой. Поблагодарите их аплодисментами за доставленное удовольствие и только после этого отправляйтесь в гардероб.

Если после спектакля вас продолжают волновать события, происходившие на сцене, вам хочется молча думать и переживать или, наоборот, поделиться переполняющими вас чувствами с близкими людьми — встреча с театром состоялась и наверняка станет началом сильной привязанности.

серия НКЗ
№ 000172
дата

начал
3-ий Амф.

26

ряд 3
место 16
продаже
не подлежит

www.meloma.ru
17.12.2008 № 257
599-2262, 232-0400, 232-5353
Министерства культуры РФ
Юридический адрес: г. Москва, ул. Тверская, 31

Вроде бы безопасное место

ШКОЛА
БЕЗОПАСНОСТИ

СТРАНИЧКА
ДЕТСКОГО
ТВОРЧЕСТВА

Вроде бы метрополитен — вполне безопасное место. Но это только так кажется. Бригады «скорой помощи» выезжают туда сотни раз в году.

Что же там случается?

Начнём со входа — с дверей. Если ты идёшь вслед за пассажиром, который входит или выходит из вестибюля, то обратно дверь возвращается, вернее, летит с такой скоростью, что может весьма крепко стукнуть по лбу. Хорошо ещё, если отделаешься только шишкой. Поэтому не ходи за пассажиром, как говорится, впритык. Держи дистанцию!

Будь внимателен и проходя через **турникет**. Некоторые мальчишки норовят пройти опять же впритык с впереди идущим. Турникет, в отличие от дверей, бьёт не по лбу, а по бокам, и тоже довольно больно.

Теперь эскалатор. Там запросто можно попасть в кучу малу. Это когда кто-нибудь из пассажиров с крупными вещами, или пожилой человек, или инвалид при выходе с эскалатора не удерживается на ногах. Поэтому, находясь на эскалаторе, не глазами по сторонам, а следи за тем, чтобы между тобой и стоящим впереди была дистанция, хотя бы несколько метров.

На платформе, где останавливаются поезда, требуется особая осторожность. Ежегодно на рельсах и под колёсами поездов оказываются десятки людей. Их просто сталкивают другие пассажиры, которые, стремясь занять свободное место в вагоне, не обращают внимания на других. Впрочем, иногда бывает, что ребята сами виноваты в падении на рельсы. Это когда они устраивают весёлую возню на платформе, у самого её края. А ведь там есть специальная ограничительная полоса. При подходе поезда надо держаться от этой ограничительной полосы подальше. Ничего с тобой не случится, если не сядешь в этот поезд, а поедешь следующим.

В московском Центре образования № 1830 учатся очень творческие ребята. Под руководством учительницы Е. А. Махановой они издают школьный журнал «Солнышко», в котором публикуют свои стихи, рассказы, загадки и ребусы. Вот некоторые из них.

Василий Ерёмин, 6-й «А»

Ода

Как проснусь я утром
ранним,
Сразу в школу я спешу,
Потому что жить без школы
И ни дня ведь не могу.
Как найду я сразу в школу,
Вижу радостные лица:
Дашу, Иру, Настю, Олю
И, конечно же, учителей.
Наши добрые учителя
Не теряют с нами время зря:
Учат не только сочинения
и контрольные писать
на «пять»,
Но и думать, прежде
чем сказать.

*Анастасия Плотникова,
6-й «Б»*

Чародейка-зима

Недавно мы с моим замечательным другом Андреем спорили: какое самое лучшее время года. Он говорит, что лучше лета ничего не бывает. Лето — это удивительные каникулы, которые проводишь на обождаемой даче, в пионерском лагере или в деревне у бабушки; сколько нужно купаешься и загораешь, ходишь в походы и на рыбалку.

А я сказала, что больше люблю зиму, потому что зимой мой любимый праздник — Новый год и можно кататься на лыжах по ска- зочному лесу.

Я хожу в секцию по спор- тивной гимнастике, и в эти зимние каникулы мы с нашим тренером поехали в спортивный лагерь, ко- торый расположен в лесу. Каждое утро мы выходили в заснеженный двор делать гимнастику.

Какая же вокруг была красота! Пушистые лапы елей плавно покачивались под тяжестью белых шапок из снега. Сугробы вокруг нашей спортивной площад- ки были словно из искряще- гося мрамора. Можно было разглядеть каждую сне- жинку, которая сверкала и переливалась на зимнем покрывале.

Окна нашей спальни за- тейливо разрисовал мороз. Если приглядеться к этим

рисункам, то можно уви- деть пальмы и тропические заросли. Даже не верится, что это — творение приро- ды, а не человека.

Зимой в лесу не так хо- лодно, как в городе: деревья плотным кольцом закры- вали наш лагерь от ветра. В свободное от тренировок время мы с ребятами носи- лись по лесу, будили спя- щие деревья от спячки, и они осыпали нас блестящим и нежным дождём.

Не удивительно, что А. С. Пушкин назвал зиму **ЧАРОДЕЙКОЙ!**

Артём Дегасюк, 6-й «А»

Приставки пре- и при-

Однажды Орфография вы- строила все приставки. Первыми стояли те, кото- рые имели в своём соста- ве 4 буквы, потом — 3, а затем — 2 и 1. Самой пер- вой оказалась **пере-**, кото-

рая очень гордилась своим положением.

— Я среди вас главная, захочу — и всех заставлю всё **переделать!** — заявила она остальным.

Услышал её король Словообразование и ска- зал, что не место красит приставку, а её значение. У приставки **пере-** их 2: слиш- ком и выполнить ещё раз. А вот приставка **при-**, хоть и поменьше на 1 букву, имеет 4 значения: приближение, присоединение, неполное действие и близость.

Приставка **пере-** стала завидовать приставке **при-**: очень ей хотелось быть мно- гозначной, захотела изме- ниться.

— Но за то, что ты такая завистливая, — сказал ко- роль, — мы сократим тебя на одну букву, станешь при- ставкой **пре-**, будешь упот- ребляться в значении **пере-** и в значении, близком к слову «очень».

Министерство связи России

АБОНЕМЕНТ на журнал

«ДЕТСКАЯ РОМАН-ГАЗЕТА»

		Количество комплектов									
на 2011 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

11'2010

ВОЗРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Куда _____
(почтовый)

Комп. _____

Дорогие друзья!

Напоминаем вам, что началась подписка на **«Детскую Роман-газету»** на 2011 год.

Подписные индексы:

72766
на полугодие

71899
на год

Для библиотек:

20450
на полугодие

20451
на год

1

2

3

4

Наш ВЕРНИСАЖ

Детская литературно-художественная галерея «Жар-птица»

1. **Полина Полякова**, 14 лет, г. Калуга,
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»
2. **Катя Козлова**, 15 лет, г. Апатиты, Мурманская обл.,
«До чего же хорошо кругом!»
3. **Ира Маклакова**, 6 лет, г. Москва, «...Это родина моя»
4. **Ваня Киселёв**, 5 лет, г. Уфа,
«...А потом стал он умным котом»
5. **Таня Шубладзе**, 11 лет, г. Саратов, «Рябинушка»

5

РОМАН-ГАЗЕТА 11
етская

2010 (137)

«Хорошее искусство можно сделать из всего, что знаешь и любишь».

К.Ф. Юон

Константин Юон. Купола и ласточки. Фрагмент. 1922 г.

РАССКАЗЫ:
Память

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ:
По следу тигра

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Сказка о Лягушке, Улитке
и маленьком прудике

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ:
Вроде бы безопасное место